

ГЛАВА IV.

ПОЕДИНОКЪ.

— Иль изволь и стань же въ позитуру.
Посмотришь, проколю какъ я твою фигуру!

Княжнинъ.

Прошло нѣсколько недѣль, и жизнъ моя въ Бѣлогорской крѣпости сдѣлалась для меня не только сно-сною, но даже и пріятною. Въ домъ коменданта быль я принять какъ родной. Мужъ и жена были люди самые почтенные. Иванъ Кузмичъ, вышедшій въ офицеры изъ солдатскихъ дѣтей, быль человѣкъ необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его имъ управляла, что согласовалось съ его безпечностию. Василиса Егоровна и на дѣла службы

смотрѣла какъ на свои хозяйствія, и управляла крѣпостю такъ точно, какъ и своимъ домкомъ. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я въ ней нашелъ благоразумную и чувствительную дѣвушку. Незамѣтнымъ образомъ я привязался къ добруму семейству, даже къ Ивану Игнатьичу, кривому гарнизонному поручику, о которомъ Швабринъ выдумалъ, будто бы онъ былъ въ непозволительной связи съ Василисой Егоровной, что не имѣло и тѣни правдоподобія; но Швабринъ о томъ не беспокоился.

Я былъ произведенъ въ офицеры. Служба меня не отягощала. Въ богоспасаемой крѣпости не было ни смотровъ, ни учений, ни карауловъ. Комендантъ по собственной охотѣ училъ иногда своихъ солдатъ; но еще не могъ добиться, чтобы всѣ они знали, которая сторона правая, которая лѣвая. У Швабрина было нѣсколько Французскихъ книгъ. Я сталъ читать, и во мнѣ пробудилась охота къ литературѣ. По утрамъ я читалъ, упражнялся въ переводахъ, а иногда и въ сочиненіи стиховъ. Обѣдалъ почти всегда у коменданта, гдѣ обыкновенно проводилъ остатокъ дня, и куда вечеромъ иногда являлся отецъ Герасимъ съ женою Акулиной Памфиловной, первою вѣстовщицею во всемъ околодкѣ. Съ А. И. Швабринымъ, разумѣется, видѣлся я каждый день; но часъ отъ часу бесѣда его становилась для меня менѣе пріятною. Всегдашнія шутки его насчетъ семьи коменданта мнѣ очень не нравились, особенно колкія замѣчанія о Марѣ Ивано-

внѣ. Другаго общества въ крѣпости не было; но я другаго и не желалъ.

Не смотря на предсказанія, Башкирцы не возмущались. Спокойствіе царствовало вокругъ нашей крѣпости. Но миръ былъ прерванъ незапннымъ междуусобицемъ.

Я ужъ сказывалъ, что я занимался литературою. Опыты мои, для тогдашняго времени, были изрядны, и Александръ Петровичъ Сумароковъ, нѣсколько лѣтъ послѣ, очень ихъ похвалилъ. Однажды удалось мнѣ написать пѣсенку, которой былъ я доволенъ. Извѣстно, что сочинители иногда, подъ видомъ требованія совѣтовъ, ищутъ благосклоннаго слушателя. И такъ, переписавъ мою пѣсенку, я понесъ ее къ Швабрину, который одинъ во всей крѣпости могъ оцѣнить произведеніе стихотворца. Послѣ маленькаго предисловія, вынуль я изъ кармана свою тетрадку и прочелъ ему слѣдующіе стишки:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть.
И ахъ, Машу избѣгая,
Мышлю вольность получить!

Но глаза, что мя плѣнили,
Всеминутно предо мной;
Они духъ во мнѣ смущали,
Сокрушили мой покой.

Ты, узнавъ мои напасти,
Сжалъся, Маша, надо мной;
Зря меня въ сей лютой части,
И что я пыненъ тобой.

Какъ ты это находишь?—спросилъ я Швабрина, ожидая похвалы, какъ дани, мнѣ непремѣнно слѣдующей. Но къ великой моей досадѣ, Швабринъ, обыкновенно снисходительный, рѣшительно объявилъ, что пѣсня моя нехороша.

Почему такъ?—спросилъ я его, скрывая свою досаду.

«Потому»—отвѣчалъ онъ—«что такие стихи достойны учителя моего, Василья Кирилlyча Тредьяковскаго и очень напоминаютъ мнѣ его любовные куплетцы.

Тутъ онъ взялъ отъ меня тетрадку и началъ немилосердо разбирать каждый стихъ и каждое слово, издѣваясь надо мной самымъ колкимъ образомъ. Я не вытерпѣлъ, вырвалъ изъ рукъ его мою тетрадку и сказалъ, что ужъ отроду не покажу ему своихъ сочиненій. Швабринъ посмѣялся и надѣ этой угрозою.—«Посмотримъ сказалъ онъ—«сдержишь ли ты свое слово: стихотворцамъ нуженъ слушатель, какъ Ивану Кузмичу графинчикъ водки передъ бѣдомъ. А кто эта Маша, передъ которой изъясняешься въ нѣжной страсти и въ любовной напасти? Ужъ не Марья ль Ивановна?»

—Не твое дѣло—отвѣчалъ я нахмурясь,—кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнѣнія, ни твоихъ догадокъ.

«Ого! Самолюбивый стихотворецъ и скромный любовникъ!»—продолжалъ Швабринъ, часъ отъ часу болѣе раздражая меня;—«но послушай дружескаго совѣта: коли ты хочешь успѣть, то совсѣтую дѣйствовать не пѣсенками.»

—Что это, сударь, значитъ? Изволь объясниться.

«Съ охотою. Это значитъ, что ежели хочешь, чтобы Маша Миронова ходила къ тебѣ въ сумерки, то вместо нѣжныхъ стишковъ подари ей пару серегъ.»

Кровь моя закипѣла. А почему ты обѣ ней такого мнѣнія?—спросилъ я, съ трудомъ удерживая свое негодованіе.

«А потому, отвѣчалъ онъ съ адской усмѣшкою,»—«что знаю по опыту ея нравъ и обычай.»

—Ты лжешь, мерзавецъ!—вскричалъ я въ бѣшенствѣ,—ты лжешь самимъ безстыднымъ образомъ.

Швабринъ перемѣнился въ лицѣ. «Это тебѣ такъ не пройдетъ»—сказалъ онъ, стиснувъ мнѣ руку. «Вы мнѣ дадите сатисфакцію.»

—Изволь; когда хочешь! —отвѣчалъ я обрадовавшись. Въ эту минуту я готовъ былъ растерзать его

Я тотчась отправился къ Ивану Игнатьичу, и засталъ его съ иголкою въ рукахъ; по препорученію комендантши, онъ ванизывалъ грибы для сушенья на зиму. «А, Петръ Андреичъ!»—сказалъ онъ увидя меня; «добро пожаловать! Какъ это васъ Богъ принесъ? по какому дѣлу, смѣю спросить?» Я въ короткихъ словахъ объяснилъ ему, что я поссорился съ Алексѣемъ Иванычемъ, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моимъ секундантомъ. Иванъ Игнатьичъ выслушалъ меня со вниманіемъ, вытараща на меня свой единственный глазъ. «Вы изволите говорить?»—сказалъ онъ мнѣ—«что хотите Алексѣя Иваныча заколоть и желаете, чтобы я при томъ былъ свидѣтелемъ? Такъ-ли? смѣю спросить.»

—Точно такъ.

«Помилуйте, Петръ Андреичъ! Что это вы затѣяли! Вы съ Алексѣемъ Иванычемъ побрались? Велика бѣда! Брань на вороту не виснетъ. Онъ васъ побранилъ, а вы его выругайте; онъ васъ въ рыло, а вы его въ ухо, въ другое, въ третью — и разойдитесь; а мы васъ ужъ помишимъ. А то: доброе ли дѣло заколоть своего ближняго, смѣю спросить? И добро бъ ужъ закололи вы его: Богъ съ нимъ, съ Алексѣемъ Иванычемъ; я и самъ до него не охотникъ. Ну, а если онъ васъ просверлить? На что это будетъ похоже? Кто будетъ въ дуракахъ, смѣю спросить?»

Разсужденія благоразумнаго поручика не поколебали меня. Я остался при своемъ намѣреніи. «Какъ

вамъ угодно»—сказалъ Иванъ Игнатьичъ; «дѣлайте, какъ разумѣете. Да за чѣмъ же мнѣ тутъ быть свидѣтелемъ? Къ какой стати? Люди дерутся; что за невидальщина, смѣю спросить? Слава Богу, ходилъ я подъ Шведа и подъ Турку: всего насмотрѣлся.»

Я кое-какъ стала изъяснять ему должность секунданта, но Иванъ Игнатьичъ никакъ не могъ меня понять. «Воля ваша»—сказалъ онъ. «Коли ужь мнѣ и вмѣшаться въ это дѣло, такъ развѣ пойти къ Ивану Кузмичу да донести ему по долгу службы, что въ фортеціи умышляется злодѣйствіе противное казенному интересу: не благоугодно ли будетъ господину коменданту принять надлежащиа мѣры»....

Я испугался и стала просить Ивана Игнатьича ничего не сказывать коменданту; насилиу его уговарилъ; онъ далъ мнѣ слово, и я рѣшился отъ него отступиться.

Вечеръ провелъ я, по обыкновенію своему, у коменданта. Я старался казаться веселымъ и равнодушнымъ, дабы не подать никакого подозрѣнія и избѣгнуть докучныхъ вопросовъ; но признаюсь, я не имѣль того хладнокровія, которымъ хваляются почти всегда тѣ, которые находились въ моемъ положеніи. Въ этотъ вечеръ я расположень былъ къ нѣжности и къ умиленію. Марья Ивановна нравилась мнѣ болѣе обыкновеннаго. Мысль, что, можетъ быть, вижу ее въ послѣдній разъ, придавала ей въ моихъ глазахъ что-то трогательное. Швабринъ явился тутъ же. Я

отвель его въ сторону, и увѣдомилъ его о своемъ разговорѣ съ Иваномъ Игнатьичемъ. «Зачѣмъ намъ секунданты сказаль онъ мнѣ сухо: «безъ нихъ обойдемся.» Мы условились драться за скирдами, что находились подлѣ крѣпости, и явиться туда на другой день въ седьмомъ часу утра. Мы разговаривали, по видимому, такъ дружелюбно, что Иванъ Игнатьич отъ радости проболтался. «Давно бы такъ»—сказаль онъ мнѣ съ довольноимъ видомъ; «худой миръ лучше доброй ссоры, а и не честень такъ здоровъ.»

«Что, что. Иванъ Игнатьич?»—сказала комендантша, которая въ углу гадала въ карты; «я не вслушалась.»

Иванъ Игнатьич, замѣтивъ во мнѣ знаки недовольствія и вспомня свое обѣщаніе, смущился и не зналъ, что отвѣтить. Швабринъ подоспѣлъ къ нему на помощь.»

«Иванъ Игнатьич»—сказаль онъ—«ободряетъ нашу мировую.

—А съ кѣмъ это, мой батюшка, ты ссорился?

«Мы быво поспорили довольно крупно съ Петромъ Андреичемъ.»

—За что такъ?

«За сущую бездѣлицу: за пѣсенку, Василиса Егоровна.»

—Нашли за что ссориться! за пѣсенку!... да какъ же это случилось?

«Да вотъ какъ: Петръ Андреичъ сочинилъ недавно пѣсню и сегодня запѣлъ ее при мнѣ, а я затянулъ мою любимую:

Капитанская дочь,
Не ходи гулять въ полночь.

Вышла разладица. Петръ Андреичъ было и разсердился; но потомъ разсудилъ, что всякъ воленъ пѣть, что кому угодно. Тѣмъ и дѣло кончилось.»

Безстыдство Швабрина чуть меня не взбѣсило; но никто, кромѣ меня, не понялъ грубыхъ его обиженковъ; по крайней мѣрѣ, никто не обратилъ на нихъ вниманія. Отъ пѣсенокъ разговоръ обратился къ стихотворцамъ, и комендантъ замѣтилъ, что все они люди безпутные и горькие пьяницы, и дружески совѣтовалъ мнѣ оставить стихотворство, какъ дѣло службѣ противное и ни къ чему добромъ не доводящее.

Присутствіе Швабрина было мнѣ несносно. Я скоро простился съ комендантомъ и съ его семействомъ; пришедъ домой, осмотрѣлъ свою шпагу, попробовалъ ея конецъ, и легъ спать, приказавъ Савельичу разбудить меня въ седьмомъ часу.

На другой день въ назначенное время я стоялъ уже за скирдами, ожидая моего противника. Вскорѣ и онъ явился. «Насъ могутъ застать»—сказалъ онъ

мнѣ; «надобно поспѣшить.» Мы сняли мундиры, о-стались въ однихъ камзолахъ и обнажили шпаги. Въ эту минуту изъ-за скирда вдругъ появился Иванъ Игнатьичъ и человѣкъ пять инвалидовъ. Онъ потребовалъ насъ къ коменданту. Мы повиновались съ досадою; солдаты насъ окружили, и мы отпра-вились въ крѣпость вслѣдъ за Иваномъ Игнатьи-чемъ, который велъ насъ въ торжествѣ, шагая съ удивительной важностию.

Мы вошли въ комендантскій домъ. Иванъ Игнать-ичъ отворилъ двери, провозгласивъ торжественно: «Привѣтъ!» Насъ встрѣтила Василиса Егоровна. «Ахъ, мои батюшки! На что это похоже? какъ? что? въ нашей крѣпости заводить смертоубийство! Иванъ Кузмичъ, сей часъ ихъ подъ арестъ! Петръ Андре-ичъ! Алексѣй Иванычъ! подавайте сюда ваши шпа-ги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпа-ги въ чуланъ Петръ Андреичъ! Этого я отъ тебя не ожидала. Какъ тебѣ не совѣтно? Добро Алексѣй Иванычъ: онъ за душегубство и изъ гвардіи выпи-санъ, онъ и въ Господа Бога не вѣрюетъ; а ты-то что? туда же лѣзешь?»

Иванъ Кузмичъ вполнѣ соглашался съ своею су-пругою и приговаривалъ: «А слышь ты, Василиса Егоровна правду говорить. Поединки формально запрещены въ воинскомъ артикулѣ.» Между тѣмъ Па-лашка взяла у насъ наши шпаги и отнесла въ чу-ланъ. Я не могъ не засмѣяться. Швабринъ сохра-нилъ свою важность. «При всемъ моемъ уваженіи

къ вамъ»—сказалъ онъ ей хладнокровно—«не могу не замѣтить, что напрасно вы изволите беспокоиться, подвергая насъ вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузмичу: это его дѣло».—Ахъ, мой батюшка!—возвра- зила комендантша;—да развѣ мужъ и жена не единъ духъ и едина плоть? Иванъ Кузмич! Чѣмъ ты зѣва- ешь? Сей часъ разсади ихъ по разнымъ угламъ на хлѣбъ да на воду, чтобы у нихъ дурь-то прошла; да пусть отецъ Герасимъ наложитъ на нихъ эпите- мію, чтобы молили у Бога прощенія, да калялись передъ людьми.

Иванъ Кузмичъ не зналъ, на что рѣшился. Марья Ивановна была чрезвычайно блѣдна. Мало по малу буря утихла; комендантша успокоилась и заставила насъ другъ друга поцѣловать. Палашка принесла намъ наши шпаги. Мы вышли отъ коменданта, по видимому, примиренные. Иванъ Игнатьичъ насъ сопровождалъ.—Какъ вамъ не стыдно было—сказалъ я ему сердито—доносить на насъ коменданту послѣ того, какъ дали мнѣ слово того не дѣлать?—«Какъ Богъ святъ, я Ивану Кузмичу того не говорилъ»—от- вѣчалъ онъ; «Василиса Егоровна вывѣдала все отъ меня. Она всѣмъ и распорядилась безъ вѣдома коменданта. Виropicемъ, слава Богу, что все такъ кон- чилось.» Съ этимъ словомъ онъ повернулъ домой, а Швабринъ и я остались наединѣ. Наше дѣло этимъ кончиться не можетъ — сказалъ я ему. «Конеч- но»—отвѣчалъ Швабринъ; «вы своею кровью будете отвѣчать мнѣ за вашу дерзость; но за нами вѣро- ятно станутъ присматривать. Нѣсколько дней намъ

должно будетъ притворяться. До свиданія!» — И мы разстались, какъ ни въ чемъ не бывали.

Возвратясь къ коменданту, я по обыкновенію своему подсѣль къ Марьѣ Ивановнѣ. Ивана Кузмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйствомъ. Мы разговаривали въ полголоса. Марья Ивановна съ нѣжностію выговаривала мнѣ за беспокойство, причиненное всѣмъ моемуссорою съ Швабринымъ. «Я такъ и обмерла» — сказала она — «когда сказали намъ, что вы намѣрены биться на шпагахъ. Какъ мужчины странны! За одно слово, о которомъ черезъ недѣлю вѣрно бѣ они позабыли, они готовы рѣзаться и жертвовать не только жизнію, но и совѣстю и благополучіемъ тѣхъ, которые... Но я увѣрена, что не вы зачинщикъ ссоры. Вѣрно виноватъ Алексѣй Иванычъ.»

— А почему же вы такъ думаете, Марья Ивановна?

«Да такъ... онъ такой насмѣшникъ! Я не люблю Алексѣя Иваныча. Онъ очень мнѣ противенъ; а странно: ни за что бѣ я не хотѣла, чтобы и я ему также не нравилась. Это меня беспокоило бы страхъ.»

— А какъ вы думаете, Марья Ивановна? Нравитесь ли вы ему, или нѣть?

Марья Ивановна заскучнѣла и покраснѣла. «Мнѣ кажется» — сказала она, «я думаю, что нравлюсь».

— Почему же вамъ такъ кажется?

«Потому что онъ за меня сватался.»

—Сватался! Онъ за васъ сватался? Когда же?

«Въ прошломъ году. Мѣсяца два до вашего пріѣзда.»

—И вы не пошли?

«Какъ изволите видѣть. Алексѣй Иванычъ конечно чловѣкъ умный, и хорошей фамиліи, и имѣеть состояніе; но какъ подумаю, что надобно будетъ подъ вѣнцомъ при всѣхъ съ нимъ поцѣловаться.... Ни за что! ни за какія благополучія!»

Слова Марыи Ивановны открыли мнѣ глаза и объяснили мнѣ многое. Я поняль упорное злорѣчіе, которымъ Швабринъ ее преслѣдовалъ. Вѣроятно, замѣчалъ онъ нашу взаимную склонность и старался отвлечь насъ другъ отъ друга. Слова, подавшія по-водѣ къ нашей ссорѣ, показались мнѣ еще болѣе гнусными, когда вмѣсто грубой и непристойной на-смѣшкѣ, увидѣль я въ нихъ обдуманную клевету. Желаніе наказать дерзкаго злюзычника сдѣлалось во мнѣ еще сильнѣе, и я съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать удобнаго случая.

Я дожидался не долго. На другой день, когда сидѣль я за элегіей и грызъ перо въ ожиданіи риѳмы, Швабринъ постучался подъ моимъ окошкомъ. Я оставилъ перо, взяль шпагу и къ нему вышелъ. «Зачѣмъ откладывать?»—сказалъ мнѣ Швабринъ; «за

нами не смотрять. Сойдемъ къ рѣкѣ. Тамъ никто намъ не помѣшаетъ. Мы отправились, молча. Спустиясь по крутой тропинкѣ, мы остановились у самой рѣки и обнажили шпаги. Швабринъ былъ искуснѣе меня, но я сильнѣе и смѣлѣе, и monsieur Бопре, бывшій нѣкогда солдатомъ, далъ мнѣ изъ сколько уроковъ въ фехтованіи, которыми я и воспользовался. Швабринъ не ожидалъ найти во мнѣ столь опаснаго противника. Долго мы не могли сдѣлать другъ другу никакого вреда; наконецъ, примѣти, что Швабринъ ослабѣваетъ, я сталъ съ живостю на него наступать и загналъ его почти въ самую рѣку. Вдругъ услышалъ я свое имя, громко произнесенное. Я оглянулся, и увидѣлъ Савельича, сбѣгающаго ко мнѣ по нагорной тропинкѣ Въ это самое время меня сильно колнуло въ грудь пониже праваго плеча; я упалъ и лишился чувствъ.
